

vk.com/kn_books

короткий рассказ

ИСПОВЕДЬ

Пенни Рейг

Исповедь

Автор: Пенни Рейд

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серий

Главы: Короткий рассказ

Переводчик: [Eli Black](#)

Редактор: [Натали Иванцова](#)

Вычитка и оформление: [Таня Панайоти](#)

Обложка: [Eli Black](#)

Специально для группы: [K.N](#)

(https://vk.com/kn_books)

ВНИМАНИЕ!

**Копирование без разрешения переводчиков
запрещено!**

От создателя серии «KnittingintheCity», Пенни Рейд. Пожалуйста, насладитесь этим эксклюзивным отрывком под названием «Исповедь».

«Я всегда писала короткие рассказы. У меня сотни идей, которые пульсируют в мозгу и не дают уснуть. Этот короткий рассказ был написан более десяти лет назад, а идея пришла мне, когда я была (та-да-да-ДАААМ!!!) на исповеди.

Я редко пишу серьезные вещи без смешных моментов. Надеюсь, вам понравится».

— Благословите меня, Отец, ибо я согрешила... — и грешила, и грешила... и грешила, — ...прошло шесть месяцев с тех пор, когда я последний раз была на исповеди.

Мэри взглянула на сапфировые четки, которые держала трясущимися пальцами; в тусклом свете исповедальни они казались почти черными. Она поджала губы, сглотнула и, желая скрыть себя, опустила голову, позволяя густым темным волосам упасть занавесом перед лицом. Ширма между ней и священником не давала достаточно укрытия.

Она услышала, как человек за ширмой прочистил горло, и ждала поощрения, чтобы продолжить, не потому, что оно было необходимо, а скорее потому, что Мэри не была уверена, что без этого сможет приступить к исповеди. Закрывала дымчато-голубые глаза, и постаралась вспомнить каждый незначительный проступок, который совершила за последние несколько недель, пытаясь отложить истинную причину своего визита.

Молчание затянулось, становясь осязаемым, значительным, тяжелым. Где-то в церкви скрипнула скамья под весом прихожанина, также Мэри расслышала практически бесшумный скрип церковной двери, когда та открылась и закрылась. Мэри заправила волосы за ухо рукой, обтянутой в черную перчатку, и подняла лицо к ширме. Она услышала тихие шаги своего телохранителя в итальянских кожаных ботинках, надежного, но ненавязчивого. Он соблюдал дистанцию от места, где она должна была признаться в своих грехах.

У нее было чувство, будто она тонет в тишине, словно в бассейне с чем-то вязким, заполняющим ее легкие. Нарушить молчание было и пугающе и необходимо одновременно.

— Я солгала своей семье о том, куда пойду сегодня, — поспешно выпалила Мэри, глотая слова. Это была первая мысль, пришедшая ей в голову, которую можно считать грехом. Она, двадцатишестилетняя женщина, лжет своей семье, что идет на исповедь. Ее длинные густые ресницы затрепетали, а скромное черное шерстяное платье вдруг стало узким и вызывало зуд. Вдобавок к своему смущению она покраснела, румянец залил ее шею и щеки, и она снова склонила голову.

— И я... э... — Мэри остановилась, ее голос звучал неуверенно, когда она пыталась вспомнить все обиды, которые нанесла сестре, — я солгала своей сестре и отцу... об этом.

Глаза начали жечь от слез, и она прикусила губу, стараясь, чтобы подбородок не дрожал. Она понимала, что это было нелепо, и откладывать дальше было уже некуда. Она знала, почему оказалась тут — ей нужно высказаться, и ни ее семья, ни друзья не были хорошим вариантом.

— Дело в том... — вздохнула она. — Дело в том, Отец, что я совершила нечто, чего не должна была, и я... — в груди образовалась невероятная тяжесть, — ...я не знаю, что теперь делать.

Четки принадлежали ее бабушке. Мэри вспомнила тот день, когда ее бабушка умерла, и отец отдал их ей. Это традиция, сказал ей отец. Четки передаются по женской линии, как чертов терновый венец.

— Считаю необходимым начать эту исповедь, сказав, что я не раскаиваюсь в том, что сделала... — из-за всплеска воспоминаний ее лицо стало гореть еще сильнее. С трудом она оттолкнула обжигающие воспоминания в тайник своего сознания, запирая на замок.

Но как бы она ни хотела похоронить их там, она также хотела когда-нибудь иметь возможность пережить их снова... и снова.

Но это невозможно, уже нет.

— Хотя я и не жалею об этом, но понимаю, что поступила неправильно. Я знаю, я была неправа, — Мэри положила локоть на выступ чуть ниже ширмы, придерживая голову одной рукой и сжимая четки другой, — я не хочу, чтобы кто-то пострадал из-за меня, и боюсь, что... независимо от того, что сделаю... не смогу это предотвратить.

Черное кружево, покрывающее голову и символизирующее скромность, соскользнуло, когда она пробежалась пальцами в перчатках по своим мягким волосам. Вуаль упала к ее ногам и Мэри не стала ее поднимать. Мысль о скромности сейчас была абсурдна.

— Я замужем, — ее голос был ровным, как и ее брак. — Я не люблю своего мужа, но не думаю, что это сейчас имеет значение.

Краем уха она услышала, как священник передвинулся с другой стороны ширмы, но так как она в основном разговаривает сама с собой, то не обратила на это внимания.

— Мой муж выбрал не меня, а мою семью. Я была шестнадцатилетним ребенком, а он... уже не был ребенком, — она с трудом сглотнула, пытаясь не дать горечи отразиться в своем голосе.

— Но... но у меня были чувства к нему. Я чувствовала... я была... — прищурив глаза, она как будто пыталась подобрать нужное слово среди резных деревянных рам ширмы. — Я была увлечена им... — она кивнула, соглашаясь со своим выбором слов, — ...и я была верна ему десять лет. Я была верна. Я хранила его секреты, я сделала его бизнес своим, его приоритеты своими. Видите ли, наш брак был... между семьями. Это был скорее брак двух семей, нежели брак двух людей, — она поджала губы, и уголки ее рта опустились. — Но он не был верен.

Мэри покачала головой, чувствуя себя усталой и истощенной. Горечь сменилась разочарованием.

— Он говорит, что любит меня. Он говорит, что те женщины ничего не значат, — она сжала челюсти, в голубых глазах сверкали молнии, пока она смотрела перед собой, не видя ничего в непрозрачном коричневом ящике. — Мне наплевать на женщин, потому что я не забочусь о нем. Он думает, что я злюсь, и он прав, но это не из-за него, не из-за женщин, не из-за лжи, это... это из-за того, что я потеряла.

Стук сердца начал отдаваться в ушах, а в горле застрял ком. Она безуспешно пыталась проглотить его, и ее голос стал хриплым и напряженным.

— Я злюсь из-за того, что они отбирают у меня. Я злюсь из-за того, что не могу иметь.

Мэри позволила сапфировым четкам выпасть из рук на деревянный выступ перед ней, проигнорировав звук, с которым столетняя реликвия соприкоснулась с твердой поверхностью, и начала снимать перчатку с левой руки. Как только ей это удалось, она помедлила и пристально посмотрела на неприлично большой старинный бриллиант, украшающий ее безымянный палец. Золотое кольцо, казалось, высосало все тепло из воздуха, и Мэри задрожала.

— Я влюбилась в человека, который является врагом моей семьи. Они не знают, не должны знать. Я пряталась, обманывая месяцами, — ее голос звучал как будто издалека, словно она слушает кого-то другого или свое эхо. — Я влюблена в него, но он не знает кто я, потому что я врала и ему тоже.

Медленно, осторожно, Мэри разгладила черную перчатку, растирая кожу большим и указательным пальцем. Она закрыла глаза, и небольшая слеза скатилась вниз по ее щеке, оставляя мокрую полосу от уголка глаза до подбородка. Она не стала вытирать.

Не открывая глаз, Мэри вздохнула, позволяя словам нахлынуть, чтобы сказать их вслух в первый раз.

— Я беременна... и отец ребенка — не мой муж.

Впервые, с тех пор как вошла в исповедальню, она услышала, как священник издал какой-то звук, но не могла разобрать ни слова. Затем она услышала этот звук повторно; одно и то же слово с каждым разом звучало громче, злее, угрюмее, и она почувствовала что-то, узнала, и страх поселился в ее груди.

— Проклятье!

Глаза Мэри распахнулись, рот раскрылся от удивления, а внутренний голос посылал тревожные сигналы в каждую клеточку ее тела. Вдруг, прежде чем она смогла полностью понять, что происходит, ширма, отделявшая ее от, как ей казалось, священника, сдвинулась в сторону, открывая последнего человека, которого она ожидала увидеть.

Длинный черный кашемировый плащ, на котором искрились и переливались капли воды, покрывал его внушительное тело. Его светлые волосы были все еще влажными от раннего осеннего дождя, которого Мэри удалось избежать, воспользовавшись зонтом. Его зеленые глаза, обычно рассудительные и доверчивые, сейчас свирепо прожигали, выбивая весь воздух из легких и заставляя ее сердце остановиться. Выражение его лица соответствовало его пламенному взгляду — твердое, жесткое, непримиримое.

Как у испуганного кролика, первым побуждением Мэри было убежать. Ее план, должно быть, был очевиден для него, потому что он протянул руку через отверстие в ширме и схватил ее за руку прежде, чем она успела пошевелиться.

— Нет... — его голос был низким, угрюмым и мрачным. Прищулив глаза, он усилил хватку на ее руке. — Не делай этого.

Ее разум был в ступоре, она не могла пошевелиться, не могла думать, не могла говорить. Она могла только смотреть на него, на этого мужчину, которого любила, поверженного и беспомощного, столь же открытого и уязвимого, как младенец.

Наконец она с трудом сглотнула и отвела взгляд, не в силах вынести обвинения и предательства в его глазах.

— Майкл... ты делаешь мне больно, — она дернула рукой, пытаясь вырваться из его железной хватки, и он ослабил ее, но не отпустил. Вместо этого, он потянул ее руку через отверстие так, что она была вынуждена наклониться вперед, и ее рука коснулась его груди. Она чувствовала, как он смотрел на нее долгим взглядом, и знала, что была трусихой, потому что... сколько ни пыталась, не могла заставить себя встретиться его взгляд.

Когда он заговорил, его голос звучал замкнуто и отстраненно.

— Ты не отвечала на мои звонки, — Мэри снова вздрогнула и закрыла глаза, желая просто исчезнуть. — Думаю, теперь я знаю почему, миссис Алессандри.

Мэри покачала головой.

— Не...

— Ты беременна.

— Пожалуйста...

— Ты собиралась сказать мне?

— Майкл...

— Ответь мне.

Мэри попыталась вытащить руку из его хватки, но лишь уронила перчатку на пол.

По-прежнему с закрытыми глазами, она покачала головой и всхлипнула.

— Я не могу.

Она почувствовала, как его рука напряглась, он снова потянул ее за руку, а его тон стал суровым и настойчивым.

— Ответь мне.

Поджав губы, она подняла подбородок и встретила с ним взглядом; ее голубые глаза, светящиеся ложной гордостью, удерживали его взгляд, и она сказала ему правду:

— Нет.

Он вздрогнул, и как будто в его суровой внешности появилась брешь, но секундная вспышка боли и неподдельное удивление быстро сменились презрением.

Мэрипочувствовала, реально почувствовала, как разбилось ее сердце, а боль в его глазах выбилавась воздух из легких.

Она услышала приближающиеся тихие шаги телохранителя, поскольку знала звук его шагов наизусть. Майкл предупреждающе прищурил глаза, но ему незачем беспокоиться. Хотя она и была лгуньей и прелюбодейкой, но любила его. Мэри точно знала, что он предназначен для нее, и она никогда не предаст его и не позволит узнать о нем своей семье.

Она не пошевелилась, не издала ни звука, и телохранитель прошел мимо исповедальни и вернулся на свое прежнее место.

Майкл сглотнул и медленно выдохнул.

— Слушай меня очень внимательно, — каждое слово было резким, а голос соответствовал его ледяному взгляду. — Ты сейчас возьмешь себя в руки и соберешь свои вещи. Пойдешь в вашей семейной скамье в церкви и выскажешь свои раскаяния...

Ее ресницы дрогнули, и она попыталась запротестовать:

— Что за раскаяния...

— Заткнись и слушай, — зарычал он, обхватывая пальцами ее запястье и прижимая ее руку к своей груди. Несмотря на его спокойный тон и холодный внешний вид, она чувствовала стремительный ритм его сердца и знала, что маска спокойствия может разрушиться в любую секунду. — Ты пойдешь со мной.

Она покачала головой.

— Я не могу...

— У тебя нет выбора.

Ее губы скривились в ухмылке, и она сказала скрипучим шепотом, скорее самой себе, чем ему:

— У меня никогда его нет.

Его взгляд блуждал по ее лицу, выражение его лица лишь слегка смягчилось, и он медленно выпустил ее руку. Она вытащила ее назад через открытую ширму, осторожно протирая запястье. Мэри была поражена тем, насколько он был красив, и оплакивала свое существование и ситуацию, в которой они оказались. Оплакивала боль, которую причинила ему, и в душе проклинала себя. Слезы жгли глаза, но она заморгала, пытаясь не дать им пролиться.

Все еще стоя на коленях, она подняла с пола четки. Он вздохнул, откинулся в кресле священника и затем не так напористо и менее властно продолжил:

— После того как ты покаешься, пойдешь к задней части церкви и скажешь своему охраннику, что тебе нужно в туалет.

Она закрыла глаза и медленно покачала головой.

— Оказавшись внутри, досчитай до ста и закрой лицо вуалью. Я разберусь с охранником, и мы уедем вместе.

Она всхлипнула, поднимая с колен черное кружево вуали.

— Это не так легко, как ты говоришь.

— Это легко.

Она обернула кружево вокруг шеи, затем подняла на него взгляд и спросила дрожащим шепотом:

— Что потом? Что произойдет, мы просто уйдем?

— Да.

— И куда мы уедем? Что будем делать?

Он пожал плечами, доставая пистолет и снимая его с предохранителя.

— Мы поженимся.

Она недоверчиво посмотрела на него, сердце забило где-то в горле, а затем в одно мгновение рухнуло вниз.

— Я... я... я уже замужем.

Его взгляд переместился от оружия к ее лицу, и он спрятал пистолет за пояс. Мэри удивила интимность его взгляда, он ощущался словно любовная ласка, но когда Майкл заговорил, его голос был такой же безжизненный, как и его намерения.

— Очень скоро ты станешь вдовой.